

Ирина Горелова

*Волгоградский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Волгоград, Россия*

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ДИСКУРС И КОНТЕКСТ

В исследовании любого общественного феномена важен заданный контекст. Это относится и к исследованию гражданского общества. Доказательством тому служит отсутствие унифицированного определения понятия и тот факт, что дискурс, использующий указанное понятие, обуславливает задание контекста. «Гражданское общество» – лакуна, понятие, которое идентифицируется благодаря описанию сопровождающих / формирующих данные явления действий, событий, субъектов.

Во времена античных философов исследуемое понятие рассматривалось как базис государства, формирующийся благодаря гражданской позиции. В Новое время это уже посредник, регулирующий отношение между предпринимательством и государством. В наше время – это «система самоорганизованных посреднических групп, которые: (1) относительно независимы как от публичных властей, так и частных субъектов производства и воспроизводства, т. е. фирм и семей, (2) способны осмыслять и совершать коллективные действия в защиту или ради продвижения своих интересов и чувств, (3) не стремятся занять место ни агентов власти, ни частных производителей, т. е. принять ответственность за процесс управления государством в целом, (4) готовы действовать в рамках установленных правил «цивильного», «гражданского», т. е. взаимоуважительного порядка» [1].

В лингвистике лакуны делят на мотивированные и немотивированные. Первые связаны с отсутствием самой реалии (симулякры), вторые – с отсутствием в языке обозначения существующей реальности по разным причинам. Гражданское общество как объект исследования занимает, скорее, первую позицию – есть понятие и есть реальность, но последнее меняется с контекстом. Еще точнее этот феномен охарактеризовал Ж. Бордияр. Прибегать к диссимуляции – это значит делать вид, что ты не имеешь того, что у тебя есть. Симулировать – это значит делать вид, что у тебя есть то, чего ты не имеешь. Одно отсылает к наличию, другое – к отсутствию [2, с. 17]. Манипулирование контекстом в дискурсе, множественность контекстов и дискурсов, связанных

с феноменом гражданского общества, наводит на мысль о симулировании. С другой стороны, возможно, множественность симуляции как раз является доказательством диссимуляции исследуемого феномена (так сказать, переход количества в качество?).

Доказательством, скорее, симуляции феномена, например, является приращение ему экономической подоплеки. Так, в масштабном исследовании гражданского общества – «Докладе о состоянии гражданского общества в ЕС и России 2016» исследователи анализировали данные, **помещая их в более широкий контекст политического, общественного и экономического развития соответствующей страны в 2016 году** и тенденций предыдущих лет, повлиявших на текущую ситуацию [3]. Но вот на основании чего определялся указанный контекст в каждой из анализируемых стран из текста доклада не ясно. Некорректность формулировок указанного исследования отягощена следующими обстоятельствами:

1. «Анализ гражданских структур в Западной Европе показывает, что происходит не разрушение гражданского общества, а фундаментальное изменение гражданских структур. Формальные ассоциации замещаются неформальными, внешние ценности – внутренними, систематические отношения – случайными» [4, с. 218].

2. В России «воспроизводится ситуация, где «бытие есть факт высказывания: это означает просто-напросто, что не существует никакой додискурсивной реальности. Всякая реальность основывается на дискурсе и определяется в нем». Это усложняет оценку ситуации с развитием гражданского общества, так как в «дискурсе присутствует языковое сопротивление в форме отрицательных высказываний, возникающее в связи с лексемой “иностраннный агент”, ... властный дискурс акцентируется не столько на проблемах, сколько на уже имеющихся и новых возможностях общественного контроля, рисуя картину положительных перспектив» [5].

Автором уже указывалась причина такого положения дел – дисбаланс субъектно – объектной связи во всей системе взаимоотношений в обществе, где объектом выступают либо группы людей, либо сами люди. Не компетенции, навыки, способности, которые можно оценить. А ведь в системе функционирования именно они задают вектор деятельности и оценки. Мало кто обращает внимание на тот факт, что словосочетания «органы управления» и «органы власти» в российском менталитете синонимичны, практически неразделимы. Отличия кроются (а) в механизме достижения консенсуса / согласия; (б) целевой функции; (в) инструментальном наборе; (г) акценте в выражении представлений об окружающем мире; (д) отношении к изменениям

во внешней среде; (е) делегировании функций; (ж) отношении к человеческому ресурсу; (з) отношении к обратной связи; (и) требований к субъекту [6]. Практически все то, что помогает оценить исследуемое явление. Отсюда и сложности в понимании предлагаемых авторами исследования индикаторов оценки гражданского общества («общественное участие», «уровень организованности», «практикуемые ценности», «восприятие воздействия», «уровень доверия к гражданскому обществу», «внешнее окружение») [3]. Каждый индикатор нуждается в разъяснении, иначе все представленные показатели – симулякры.

Сравнительный анализ функционирования организаций гражданского общества оказался не так уж и прост – найти информацию официальной статистики сложно [3, 7]. Это, а также отсутствие значимых исследований гражданского общества, – общая проблема в развитии гражданского общества двух стран. К проблеме, с которой сталкиваются и в Беларуси, и в России, можно отнести также отсутствие методологического сопровождения деятельности исследуемых в статье организаций. В частности, в аналитическом обзоре А. Егорова, А. Шутова и Н. Кацука [7] указывается на трудность отнесения организации к той или иной сфере деятельности, что влечет за собой некорректность учета организаций. В этой связи показательна история с определением сферы деятельности Белорусского общественного объединения евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей [7].

К общим проблемам в двух государствах стоит отнести и ситуацию с низкой информированностью о деятельности организаций гражданского сектора в стране, а также доверием граждан к последним. О деятельности большинства организаций известно немного, например, история с белорусской «организацией» *Экологический путь*. Исключения составляют организации, нестандартные ситуации по которым вызвали широкий общественный резонанс, например, российское общество *Мемориал*.

Так или иначе, в глобальном масштабе «мы являемся свидетелями реинтерпретации понятия, помещения его в новый концептуальный контекст» [4, с. 218].

Библиографические ссылки

1. Сморгунова В. Ю. Современный зарубежный социально-правовой и политический дискурс о гражданском обществе // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. № 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-zarubezhnyy-sotsialno-pravovoy-i-politicheskiy-diskurs-o-grazhdanskom-obschestve> (дата обращения: 27.12.2017).
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Тула: Тул. полиграфист, 2013.

3. Доклад о состоянии гражданского общества в ЕС и России. 2016. URL: https://ngokitchen.ru/wp-content/uploads/2017/07/RU-EU_Report_online_RU.pdf (дата обращения: 27.12.2017).
4. Тихомиров А. В. Понятия «концепт» и «дискурс» и проблема гражданского общества: к методологии исследования // Науч. ведомости. 2009. № 10(65). С. 218–227.
5. Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: http://www.civisbook.ru/gks.ru/free_doc/new_site/gosudar/02-10.docx (дата обращения: 27.12.2017).
6. Демьяненко В. Особенности управления изменениями в России. М. : Издат. решения, 2016.
7. Егоров А., Шутов А., Кацук Н. Гражданское общество Беларуси: актуальное состояние и условия развития. Аналитический обзор. URL: https://cet.eurobelarus.info/files/userfiles/5/CET/2017_Civil-Society-Belarus-RU.pdf (дата обращения: 27.12.2017).

Людмила Дубина

*Белорусский государственный аграрный технический университет
г. Минск, Беларусь*

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В современной науке дискурс является объектом изучения ряда научных дисциплин и определяется как иерархизированное речевое общение, сопровождающее процесс социально значимого взаимодействия людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к определенной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации. Важно также отметить, что дискурс всегда интерпретируется в рамках определенного контекста и является коммуникативным продуктом [1, с. 53].

С позиций социолингвистики можно выделить два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института [2, с. 8].

Применительно к современному обществу можно выделить следующие типы институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, научный, сценический и массово-информационный. Этот список можно изменить или расширить, поскольку общественные институты существенно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как